

18+

ГЕННАДИЙ ЛОГИНОВ

**ГИПЕРКУБИЧЕСКАЯ
СИМФОНИЯ, ИЛИ ДЫМ
БЕЗ ОГНЯ**

Геннадий Логинов

**Гиперкубическая симфония,
или Дым без огня**

«Издательские решения»

Логинов Г.

Гиперкубическая симфония, или Дым без огня / Г. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933542-5

Основа любого художественного произведения — персонажи, сюжет, композиция и авторский стиль. Но как быть, если автор придумал персонажа в отрыве от истории и бросил на произвол судьбы, не удостоив даже рассказа? Бедняге только и остаётся взять дело в свои руки и найти произведение, в котором он обретёт своё место.

ISBN 978-5-44-933542-5

© Логинов Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Дым без огня	6
Глава 2: Во мраке шкафа	8
Глава 3: Карточный долг	9
Глава 4: Рыбий крик	12
Глава 5: Бесконечный ход	13
Глава 6: Силачки	14
Глава 7: Старый автобус	16
Глава 8: Дом на Луне	17
Глава 9: Частный детектив	18
Глава 10: Неудержимая предметность	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Гиперкубическая симфония,
или Дым без огня
Геннадий Логинов**

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4493-3542-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Дым без огня

*«Литература – это высоко символизированная
действительность, совсем особая система ассоциаций»
Борис Стругацкий*

Где-то на периферии берегов сознания, там, где волны абстрактного мышления приносят на сушу образы из моря ассоциаций, находилась настоящая свалка идей: больших и малых, старых и новых, оригинальных и избитых. Были здесь и неясные контуры, огрызки несформировавшихся образов. И некогда придуманные, но вскоре забытые персонажи, для которых не нашлось подходящих историй. Рассказы, оборвавшиеся на полуслове и заброшенные в долгий ящик. Недописанные романы. Смутные и безобразные создания, порождённые авторской фантазией. Многие из них влачили здесь своё безрадостное существование, уже не надеясь ни на что. Хотя иной раз кто-то из кадавров вдруг оживал, преображался новыми красками и обретал вторую жизнь. Но таких счастливиц было сравнительно немного.

И вот однажды – море вынесло на берег огромное яйцо. Оно напоминало страусиное, но было размерами со слона. Никто не стал собираться вокруг него шумной толпой или уделять ему особое внимание – подобные вещи происходили здесь сплошь и рядом.

Тем не менее изнутри кто-то постучал: сначала – деликатно, затем – уже настойчивее. Но и этот факт был оставлен всеми без внимания. Так и не дождавшись тёплого приёма, некто пробил в скорлупе отверстие тяжёлым набалдашником трости, исполненным в виде кулака из слоновой кости.

Когда скорлупа осыпалась, – под ней оказался молодой джентльмен в цилиндре и с моноклем, взгляд которого был полон волнительного напряжения. Как следует отряхнувшись, он сделал несколько шагов вперёд и, приподняв цилиндр, кивком поздоровался с местными обитателями. Те вновь проигнорировали произошедшее.

Не тратя более времени, джентльмен зашагал вперёд, на минуточку остановившись возле дорожного указателя, стрелки которого красноречиво указывали «Туда» и «Сюда». Недолго думая, путешественник устремился «Туда» – и был таков.

Безусловно, он должен был найти ту историю, в которой он был бы к месту. А это вопрос лотереи. Иногда сознание автора может породить причудливый образ, описание или персонажа, и затем не знать, куда его приткнуть. А время-то идёт, шансов остаётся всё меньше.

Конечно, истории так или иначе могут быть кем-то прочитаны и изучены. Но дело не в этом. Думать, что всякий писатель сочиняет что-то специально для читателя, – такое же предубеждение, как думать, что кот всенепременно существует исключительно для ловли мышей.

Споткнувшись о громоздкое предложение в предыдущем абзаце, человек едва не выронил цилиндр и монокль. Проще нужно писать, проще. Хотя для разнообразия не помешает чередовать предложения разного объёма. Наверное.

Что ж, какие здесь могут быть ориентиры? Имея какую-то цель, пусть даже и временную, мобилизовать силы проще. Где-то вдалеке за горами, лесами и городами виден дым. Вулкан? Пожар? Сожжение ведьм? Или кто-то решил приготовить барбекю?

Конечно, согласно пословице, дыма без огня не бывает. Но это если подходить аллегорически. Так-то и на двух стульях можно усидеться, и много чего ещё. Попробуйте как-нибудь добыть огонь трением: можно получить очень много дыма, не получив при этом огня.

Ладно, идём в сторону дыма. Цель как цель, не лучше и не хуже всякой другой. Во всяком случае – там что-то происходит...

...Пройдя некоторое время вдоль по железной дороге, человек в цилиндре обнаружил шкаф. Внимательным образом осмотрев его со всех сторон и для верности постучав по нему тростью, он пожал плечами и распахнул дверцы. В ответ на него взглянула зияющая глубина мрачного внутришкафья. Не тратя времени, он решительно шагнул вперёд, навстречу первой истории.

Глава 2: Во мраке шкафа

*«Никто не сможет вас запугать, если вы не захотите пугаться»
Махатма Ганди*

В неприметном углу детской спальни, во мраке старинного шкафа, обитала некая сущность. Она питалась детскими тревогами и страхами и всячески поощряла их, создавая среди ночи скрип, скрежет и вой, насылая кошмары и даже ввергая ребёнка в состояние сонного паралича.

Сущности, подобные ей, заводились, словно плесень, размножаясь и процветая на худших чертах человеческих натур: будь то страх, гнев, ненависть, зависть, похоть и другие. Чем выше была всеядность подобной мерзости – тем лучше она приспособливалась и паразитировала, по мере накопления сил обретая всю большую власть над людьми и, соответственно, поощряя их к тому, что вновь вызывало в них низменные чувства. Получался замкнутый круг.

Но в случае с ребёнком бука (а называли её именно так) имела не такой богатый арсенал воздействия, как со взрослыми особями человека, – что, впрочем, с лихвой компенсировалось интенсивностью детских страхов и силой детского воображения.

И вот однажды малыш позвал родителей:

– Мама, папа! В шкафу кто-то есть!

– Успокойся, маленький... Успокойся, сладенький... Тебе просто приснилось. Это так кажется... – убаюкивала мама, поглаживая крошку по голове. Отец поспешил открыть шкаф, чтобы поскорее развеять его страхи. Он распахнул скрипучие дверцы, и в этот миг навстречу ему, продираясь сквозь заросли развешанной одежды, пробился человек с тростью, в цилиндре и с моноклем.

Отряхиваясь от пыли и паутины, он закричал, а вскоре ударом пальца сбросил со своего плеча паука. Женщина подняла крик; ребёнок начал называть пришедшего «букой» и бояться, что он его съест; отец семейства, поначалу было растерявшийся, вскоре пошёл на незванного гостя с кулаками, и тому пришлось обороняться тростью.

– Да прекратите же вы, в конце-то концов! – возмущившись, с обидой и возмущением воскликнул гость, стараясь ненароком не задеть хозяина. – Никакой я вам не бука! Была тут одна в шкафу, ну так я и огрел тростью – и всё, буки и след простыл!

Тем не менее, это не успокоило обитателей дома, и вместо заслуженной благодарности они продолжали голосить, всячески стараясь выдворить незнакомца взащей и страшая всевозможными карами. Понимая, что в этой истории он явно лишний, человек в цилиндре поспешил удалиться прочь. Пробившись до входной двери, он вышел на улицу и пошёл.

Моросил лёгкий дождик. Завывающий ветер покачивал деревья, то и дело заставляя человека с моноклем хвататься за свой цилиндр. Трость и туфли шлёпали по лужам. Сверкали молнии, громыхали раскаты.

– Подумаешь, – стараясь скрыть обиду, ворчал путник. – Нет уж, здесь мне явно не рады. Да и я тут ни к селу ни к городу. Но ничего. Мало ли на свете историй? Да и ребёнок больше не будет бояться буки. Наверное. Теперь он будет бояться меня. Но всё ж лучше, чем буку. Наверное.

Миновав заросли деревьев, на которых росли ягоды, напоминавшие землянику, стол, под которым сидел лев, и бюст Паллады, на котором расположился ворон, скиталец направился в сторону карточного города, вдоль улиц которого возвышались карточные домики.

Глава 3: Карточный долг

«Покер – это клёво. В один вечер можно достичь верха счастья или несчастья, всё очень быстро. Важны не плохие или хорошие карты, важно уметь играть плохими. Важно не то, какие у тебя карты на самом деле, а то, какие они по мнению противника»

Бернар Вербер

Поздними вечерами одинокий валет любил выходить на прогулку, прихватив с собой алебарду. Подворотни были небезопасны. Любого одинокого путника, будь то даже сам король, вполне могли побить. И на короля найдётся свой туз или джокер. Сегодня ты кого-то побьёшь, а завтра тебя. Смотря чья масть вышла, что в козыре, какими силами ты располагаешь.

Валет легко заводил приятелей, но любил и ценил уединённость и покой. Он жил в карточном домике, который кишел червями, потому что находился на «Улице червей». Но это было намного лучше, чем дома на «Улице пик», в большей степени напоминавшие валету оружейные склады, где нельзя ступить буквально и шагу, не напоровшись ненароком на шпагу или на какую-нибудь пику.

Прогуливаясь, валет напевал:

А все обитатели карточной колоды на время бросали свои дела и провожали певца взглядами, в которых читались то теплота, то зависть, но не было равнодушия. Впрочем, вскоре все снова возвращались к своим делам, да и у валета было не так-то и много свободного времени. В силу карточного долга он то и дело участвовал в битвах в военное время, а в мирное – принимал участие в пасьянсах. Политика – это дело такое: жизнь тасует и так и сяк, одни поднимаются со дна колоды наверх, другие оказываются внизу – и заранее не всегда угадаешь, как оно выйдет.

Злые языки называли валета дураком. А некоторые ещё и утверждали, что его подкинули родителям. В своё время его переводили с другими валетами с места на место по долгу службы, пока жизнь не обрела некую стабильность.

Когда-то он был главным героем небольшого рассказа об азартном игроке, спустившем всё состояние на карты, но не нашедшего в себе силы пустить пулю в лоб. Несчастный угодил в долговую яму, из которой не мог выбраться, и однажды уснул, увидев карточный город, и познакомился с валетом, который провёл его через колоду, привив неприязнь не к играм как таковым, но к азартным играм, мистицизму в игре и сотворению кумира из карт.

Да, то было хорошее время. Но теперь история была рассказана и валет просто коротал свои дни, работая карточным архитектором. Он был героем небольшого рассказа в прошлом, но, как и многие, втайне надеялся на что-то большее. По крайней мере, – на роман.

И вот однажды, гуляя по улицам города, он со скучающим видом выполнял свои повседневные обязанности. В основном он находил карты, которые стояли криво, и поправлял их, чтобы домики не рассыпались. И всё было хорошо до тех пор, пока в город не влетел подозрительный тип в цилиндре и с моноклем.

Незнакомец заметно контрастировал с окружением. Его присутствие было столь же уместно, как появление слона в чайной лавке. В какой неопикуемый ужас это привело местных жителей! А впрочем, всё произошло слишком стремительно: незваный гость задел ненароком одну из карт, стоявших в основании карточной башни, и в скором времени она уже пошла под откос. В следующий миг от широко раскинувшегося города, со всеми его угловатыми многоэтажными красотами, осталось лишь воспоминание.

– Нет, Вы только полюбуйтесь, что Вы наделали! Столько сил, столько времени, столько трудов было вложено! Грандиозные расчёты, скрупулёзные вычисления, и всё ради чего? Чтоб возник неизвестно кто и натворил неизвестно что! – с досадой выругался валет.

– Ну, почему же прям «неизвестно кто»? И почему же прям «неизвестно что»? Я, допустим, джентльмен в цилиндре. И я всего лишь имел неосторожность случайно разрушить карточные домики. Право же, это дело поправимое, – невозмутимо заметил странник.

– Ну да, конечно, это в корне меняет дело, – язвительно проворчал Валет Червей. – Вы хотя бы представляете, сколько сил...

– Да-да, Вы уже об этом сказали. Не нужно спекулировать на моей минутной неосторожности, повторяя из раза в раз одно и то же. Давайте я постараюсь загладить свою вину и помогу повторно отстроить город? – учтиво предложил пришелец.

– Ну уж нет, Вы и без этого натворили достаточно... Хотя, – потеряв подбородок, Валет Червей задумчиво хмыкнул. – Возможно, этому городу и правда необходима была встряска. Теперь я могу в полной мере проявить архитектурные инновации, реализовать смелые задумки, оригинальные решения. Статичность, вот что снедало меня в последнее время...

– Ну вот и прекрасно, – вздохнув, успокоился человек с моноклем.

– Тем не менее, – снова нахмурился Валет Червей, – сам факт того, что даже из дурных обстоятельств можно извлечь какую-то пользу, ещё не отменяет Вашей вины.

– Опять приехали, – сняв цилиндр, мужчина достал из кармана платок и, отерев пот со лба, вздохнул. – Давайте так: Вашим картам необходимо какое-то крепление понадежнее. Цемент, или клей, или какие-нибудь держатели. Я не знаю. Вы можете возводить город из раза в раз, и он снова будет разваливаться, пока не появится что-то подобное.

– Ха! Мнение дилетанта, – отмахнулся Валет Червей. – Клей... Цемент... Всё это хорошо для кирпичей и коробок. Если бы я был простым ремесленником, то складывал бы зиккураты из бетонных блоков. А это – карты! Это – искусство! Здесь принципиально нельзя использовать никаких цементирующих составов или обычных стройматериалов.

– Что ж, воля Ваша, – не желая продолжать спор, согласился бродяга. – Но что же делать мне? Ведь эта ситуация могла бы стать моей историей. Нашей историей. Если даже и не полновесным романом, то, по крайней мере, повестью или рассказом.

– Не знаю, как насчёт Вас, а меня Вы точно обеспечили романом-эпопеей, – окидывая взглядом окрестности и оценивая масштаб разрушений, уже без злости промолвил Валет Червей. – Но Ваше присутствие здесь явно неуместно...

– Что ж, ещё раз прошу меня извинить, – поспешив откланяться, странник продолжил путь, не теряя надежды найти своё место в художественной литературе.

– В конце концов, это не обязательно должен быть полновесный роман, – размышлял он вслух, когда Валет Червей с его ахами и охами остался далеко позади. – Это может быть и маленький рассказ. Он не обязательно должен быть известным и популярным. Но это будет дом, который я смогу назвать своим. Иначе зачем я существую? Может быть, я и не самый объёмный персонаж. Но и не совсем уж картонный. Может быть, я не проработан детально. Но у меня есть личность, черты и характер. Ведь нельзя же так. Ведь я же есть. Ну хоть какой, ну хоть плохой. У всех есть своя история, большая или маленькая, плохая или хорошая. А у меня даже имени нет. Я просто вымышленный человек в цилиндре и с моноклем. Нечто среднее между мыслью, и вещью.

От этих мыслей путнику стало грустно, одиноко и обидно. А прямо перед ним тем временем уже вырастал безрадостный и почти безжизненный пейзаж. Какие-то мрачные фигуры без лиц или с перебинтованными лицами, скитающиеся посреди высоких готескных развалин, остовов некогда монументальных сооружений. Неровный бугристый ландшафт чем-то напоминал морщинистое лицо вредного старика. Игра света и тени лишь усиливала эффект сходства.

Пустыня, наполненная искажёнными телами; свалки из сломанных кукол с обезображенными лицами; скелеты невообразимых форм и размеров; грубые, неровные поверхности. Пока что это место было худшим из тех, что путнику довелось увидеть с тех самых пор, как он проклюнулся сквозь яичную скорлупу. По всей видимости, это было скопление мрачных авторских дум. Подобное притягивается к подобному, и казалось, при таком-то настрое странник не мог забрести куда-то ещё. А углубись он дальше – навсегда увяз бы в мрачных дебрях кошмаров.

Проходя мимо ржавых автомобилей, разбившихся самолётов и поросших адским плющом автобусов, путник остановился у небольшого стола. Вода в графине протухла, в прогнившей еде копошились насекомые, но посреди всего этого безобразного натюрморта располагалась небольшая баночка рыбных консервов.

*Один валет – носил берет:
Берет – хранил его от бед.
И, невзирая на запрет,
Он не снимал его, о нет!*

*Валет – любитель оперетт,
Их посещал он много лет,
Где обсуждал весь высший свет
Его загадочный обет...*

Глава 4: Рыбий крик

«Если хочешь поймать рыбу, – незачем лезть на дерево»
Китайская пословица

Одна маленькая рыбка всегда мечтала покорять необъятные океанские просторы. Но вместо этого она плавала в томатном соусе, теснясь с другими маленькими рыбками в консервной банке. Из-за этого ей хотелось кричать, но её крика никто не слышал, а если бы даже и услышал – до него никому просто не было бы дела.

– Несчастливая рыбка, – вздохнул странник, понимая, что кому-то в этой жизни пришлось значительно хуже, чем ему самому. Как бы там ни было, банка не вздулась, и даже этикетка не выцвела, поэтому он аккуратно взял баночку, отряхнул от пыли и убрал в карман. Решительно развернувшись, он пошёл в противоположном направлении, в сторону кипящего жизнью города, наводившего на мысли о броуновском движении.

Глава 5: Бесконечный ход

«Статистика – первая политическая наука! Я познал голову человека, если я знаю, сколько на ней волос!»

Карл Маркс

В одном из бесконечного множества городов, на одной из бесконечного множества улиц, в одном из бесконечного множества домов находилось бесконечное множество этажей. На каждом этаже находилось бесконечное множество квартир, в которых имелось бесконечное множество комнат, а в комнатах проживало бесконечное количество жильцов.

Среди жильцов обитал один человек, у которого было бесконечное множество детей, из-за чего он должен был бесконечно заботиться о том, чтобы прокормить бесконечное количество ртов. Бесконечная армия чиновников облагала своих граждан бесконечными налогами, но вместе с тем размер зарплат и пенсий у населения, к сожалению, был далеко не бесконечен.

Бесконечнодетный отец существовал на скромную зарплату, преподавая математику, теорию вероятности и статистику.

Мужественноликий, упрямо смелый, он снова и снова искал выход из сложившегося положения. Но его аналитических способностей и данных явно не хватало. Не видя иного выхода, он решил принять участие в лотерее, где разыгрывалась бесконечная сумма денег.

Бесконечное количество билетов ещё не означало бесконечного количества победителей. Но всё равно это казалось заманчивым. В итоге, высчитав выигрышный билет, отец семейства сумел-таки выиграть.

Но не тут-то было. Один доллар ему выплатили в этом году. Половину доллара в следующем. Треть доллара ещё через год. И так далее, вплоть до бесконечности...

Проходя мимо, путник выложил на стол баночку рыбных консерв. Конечно, это не решит проблем, но всё равно лишним не будет. А если бесконечное количество людей сделает пусть даже не бесконечное количество добрых дел, а хотя бы по одному, жить станет лучше.

Но это явно была не его история. Поэтому, пропетляв по, казалось бы, бесконечному количеству дорог, странник приблизился к цирку-шапито, яркие огни которого были заметны ещё издали, благо звучные зазывалы уговаривали не проходить мимо.

Глава 6: Силачки

«Сам же себя, Евримах, ты считаешь великим и сильным, лишь потому, что находишься в обществе низких и слабых»
Гомер

Цирковой силач Тадеуш, выступавший в знаменитой труппе Чезаре Великолепного, всегда мечтал завести сына и вырастить из него настоящего мужчину. Но Богу было угодно, чтобы у силача родились две очаровательные дочери-близняшки: Геркулина и Атланта. Задумчиво почесав бритую голову и пригладив вислые усы, Тадеуш пожал плечами и решил воспитать дочерей как настоящих мужчин, – просто потому, что ничего другого он не знал и не умел.

С малых лет они играли с гирями вместо кукол, носили трико и набирались недюжинных сил, а лет с тринадцати – уже выкорчёвывали пни, заплетали гвозди косичками, рвали пополам веники, гнули подковы и «забарывали» папу, который не мог на них нарадоваться.

И было бы всё хорошо, если бы только не одно «но»: девочки совершенно не умели ничем делиться или пользоваться по очереди, и стоило чему-либо появиться у одной – того же самого незамедлительно желала из вредности и вторая и, не получив желаемого, начинала отбирать это у первой. Заканчивалось всё, как правило, не очень хорошо.

Однажды мама подарила им вместо пудовой гири – первую в их жизни красивую куклу. Фарфоровую, с натуральными волосами, ручной росписью, шитыми на заказ платьем, шёлковыми чулочками, туфельками с серебряными пряжками и кружевной шляпой с розовым бантом. Геркулина вцепилась кукле в ноги с криком «Моё!», в то время как Атланта потянула её за туловище с криком «Отдай!». Словом, век дивной куклы был весьма и весьма недолог. Как позднее и век красивого платья, расписного турецкого ковра и даже толстого каната.

А когда миновали годы и девочки стали девушками, – в цирке Чезаре объявился молодой и привлекательный бесстрашный канатоходец Луиджи, ходивший по натянутому тросу под самым куполом шапито. Он жонглировал зажженными факелами, ножами и булавами, при этом разъезжая на одноколёсном велосипеде, и девушкам казалось, что в целом мире нет человека красивее, грациознее и отважнее. В их юных сердцах впервые возникло светлое чувство, не сулившее, впрочем, ничего хорошего для канатоходца.

Акробаты и клоуны тихо шептались за спинами силачек, что в один прекрасный день они просто разорвут бедолагу на куски. И так вполне могло бы произойти, просто случилось иначе.

Луиджи проходил по тросу без страховки, всё было как обычно, и в этот раз он даже не показывал особенно сложных номеров из тех, которыми славился. Циркачи тоже не ожидали никаких неожиданностей, зная не понаслышке о профессионализме и мастерстве канатоходца. Люди часто приходят на выступления именитых и прославленных канатоходцев, проживших достаточно долго, чтобы сделать карьеру, при этом не зная имён несметной армии сорвавшихся канатоходцев, не успевших оставить свой след в истории. Из-за этого возникает так называемая «ошибка выжившего», когда, зная одну сторону медали и не зная другую, человек делает поспешные выводы.

Как бы там ни было, маститые профессионалы часто спотыкаются на элементарных вещах: как в переносном смысле, так и в буквальном. Так произошло и в этот раз. Луиджи сорвался, а сёстры-силачки кинулись ему на выручку, даже и здесь начав соперничать и отталкивать друг друга. И быть бы великому канатоходцу лепёшкой на полу, если бы его не подхватил – случайно забредший в цирк человек в цилиндре и с моноклемом.

Как ни пытались организаторы подать случайность как запланированную часть представления, оно было сорвано. Смеяться здесь было нечему, а оставаться незачем. Канатоходец, может быть, позднее испытает признательность, но сейчас он находится в шоке и слабо реаги-

рует на происходящее. Публика свистит и негодует. Все циркачи собрались на арене. А человек с моноклем не силач, не акробат и не клоун. И даже зрителя из него не вышло. Быть может, в цирке свободна вакансия подхватуна-спасателя? Но ведь это была простая случайность, не более.

Во всяком случае, так рассуждал странник. Оставив суетящихся и галдящих людей, он покинул цирк и пошёл в сторону близлежащих невзрачных улиц и домов.

Глава 7: Старый автобус

«Жить – значит разделять жизнь с другими»

Поль Элюар

В неприглядном дворе, который связывал меж собой несколько обшарпанных многоэтажных домов с побитыми окнами и почерневшими от грязи стенами, располагался старый автобус, переживший два века. Если это, конечно, можно было назвать жизнью, а его – автобусом. По сути, от самого автобуса там сохранились только салон и корпус: колёса и окна давно сняли, мотор и руль вынули, кресла и двери уволокли, старая краска выцвела, а ржавчина давно вступила в свои законные права.

Тем не менее, несмотря на то, что земля вокруг него обросла сорной травой, а сам он уже давно не сходил с места, в него, как и прежде, ежедневно набивалось немало народа. Не контролёр, не водитель и даже не пассажиры, а дети, любившие забегать и прыгать внутри старого автобуса, скрашивая его печальную старость.

В конце концов, это было не так уж и плохо: окажись он в каком другом месте, вполне вероятно, в нём могли бы собираться наркоманы, разбрасывать шприцы и прочий мусор, устроить общественный туалет, исписать непонятными надписями и разными неприличными словами.

А так, несмотря на то, что автобус больше не ездил, в его существовании по-прежнему присутствовал смысл, хотя стоящие перед ним цели и задачи заметным образом изменились. Он по-прежнему служил людям, просто теперь не перевозил их с места на место, а дарил детям радость и память о тех светлых моментах, которым уже не суждено было повториться в зрелые годы.

Новые и яркие автобусы ежедневно перевозили людей из дома на работу, с работы домой, и взрослые размышляли в них о самых разных вещах: политике, бизнесе, городских сплетнях и прочих скучных вещах, из которых состояла их жизнь. Но ни один из этих автобусов не мог похвастаться тем, что успел побывать и космическим кораблём, приземлявшимся на другие планеты, и подводной лодкой, покорявшей морские глубины, и пиратской шхуной, бороздившей океанские просторы в поисках сокровищ.

Осмотрев старый автобус, человек в цилиндре зашёл внутрь и с грустью прошёлся по салону. Этот автобус нужен и полезен. Теперь он уже не следует по городским маршрутам, но он приносит пользу. Даже больше: он приносит радость! В его существовании есть смысл! Чего не может сказать о себе человек с моноклем.

– Ну что ж, космический корабль, отнеси меня на другую планету, где я буду полезен, – обратился он к автобусу с просьбой, и, вскоре выйдя наружу, не узнал изменившийся пейзаж.

Глава 8: Дом на Луне

«Каждый ребенок в какой-то мере гений, и каждый гений в какой-то мере ребенок»

Артур Шопенгауэр

На Луне был домик. В домике жил гномик. Вообще это, судя по всему, была детская сказка. Человек в цилиндре чувствовал себя лишним, блуждая по реголитовому слою, вблизи гномьего домика. Писать для детей намного сложнее, чем для взрослых, хотя многие думают иначе. Детям нужны яркие иллюстрации. Детям нужны короткие фразы. Им нужен простой и доступный язык. Они не понимают иронии, сарказма, метафор и аллегорий. Они не воспринимают мысль, растянутую на целый абзац. И главным героем произведения должен быть либо ребёнок их возраста, либо что-то небольшое, доброе и милое, вроде гномика или пушистого котёнка.

Стараясь не мешать чужой истории и ничего не сломать ненароком, странник побрёл подальше, в направлении неоновых вывесок на дождливой улице.

Глава 9: Частный детектив

«Заслуги часто остаются в передней, а подозрения проникают в кабинет»

Франсуа Вольтер

Ночь. Половина второго. Моросит лёгкий дождь. Алый свет исходит от неоновой вывески. Он окрашивает капли, делая их похожими на кровь. Медленно они стекают по стеклу автомобиля. Негромко вещает радио. Просто чтобы кто-то говорил. Без этого совсем одиноко. И тихо. И жутко.

Смачный зевок. Мужчина потирает глаза. Его клонит в сон. Но он борется. Горячий кофе из термоса. Завёрнутый в фольгу бутерброд. Это помогает утолить голод и взбодриться. Немного.

Работа частного детектива. Ничего общего с историями из дешёвого чтива. Никаких убийств. Никаких погонь. Никаких перестрелок. Никаких великих расследований. Никакого нуара. Слежка. Проверка. Ворох бумаг. Интернет. Звонки. Переписки. Супружеская измена. Предательство партнёров по бизнесу. Ну, и далее в том же духе.

Иногда просят разведать какие-то семейные дела. Помочь в составлении генеалогического древа. Найти пропавших людей, животных или вещи. Собрать информацию, связанную с известными персонами. Раздобыть материалы для статей или диссертаций в городских архивах и у живых свидетелей каких-то событий.

Но чаще всего – супружеские подозрения или бизнес-расследования. С бизнесом, как правило, всё спокойно. Это стандартная процедура. Хотя иногда всплывают и махинации. С супругами – от случая к случаю: то беспочвенные домыслы и паранойя, то адюльтер.

Если всплывёт уголовщина, дело немедленно передают полиции. Но подобное может не случиться ни разу за всю карьеру.

Этот день похож на другие. Такой же долгий, рутинный и скучный. Такой же серый, как мусорные свалки и обшарпанные стены за окнами машины.

Очередная клиентка наняла его проследить за мужем. На первый взгляд, тот казался заурядным, ничем не примечательным человеком. Унылой серой посредственностью. По нему можно было настраивать часы: вставал точно по расписанию; совершал ежедневные ритуалы; спешил на работу, где исполнительно, словно робот, выполнял возложенные на него обязанности, ни с кем не сближаясь и не выражая индивидуальности в интересах и пристрастиях. Весь он казался каким-то картонным и искусственным.

Так в чём же дело, спросите вы? В том, что в последнее время этот человек внёс неожиданное разнообразие в монотонность своих серых будней. Он начал задерживаться, чего никогда не случалось прежде. При этом на работе он освобождался в то же время, а потом не отправлялся с коллегами в бар или в боулинг. Иных отклонений от «нормы» не наблюдалось. Но жена, заподозрив неладное, решила во что бы то ни было поймать его за руку, и наняла детектива.

До поры до времени слежка протекала однообразно и скучно. Непримечательные события, вроде похода по супермаркетам. Но затем он приехал в район, находившийся в противоположной от дома и работы части города. И до сих пор не выходил из неприметного здания...

– Эй! – внезапный стук заставил сыщика вздрогнуть. У двери, согнувшись перед самым окошком, стоял человек в цилиндре и монокле.

– Какого чёрта?! Меня чуть кондрашка нехватила! – хватаясь за сердце, проворчал частный детектив. – Чего вам надо?

Пришедший настолько контрастировал с окружающими реалиями, выглядел настолько неуместным для всего окружения, что вводил в ступор уже одним фактом своего присутствия.

– Пустите меня в ваш рассказ. Я мог бы стать персонажем, пригодиться для оригинального сюжетного хода, – без особой надежды попросил он.

– Вы в своём уме?! У меня тут, между прочим, следственное мероприятие! И я могу сорвать всю операцию из-за вас! – огрызнулся сыщик.

– Ой, да ладно вам! Я знаю всё про вашу историю. Сначала вы будете непрестанно следить, потом перейдёте к активным действиям и обнаружите, что ваш «клиент» не гуляющий муж, а инопланетянин. Это известие повергнет Вас в шок. Вы не будете знать, как сообщить об этом нанимательнице, журналистам да и кому бы то ни было. Кто вам поверит? Да и стоит ли это делать? И вот тогда вы решите... – начал было незнакомец.

– Пошёл вон!!! – с яростью выпалил детектив. – Это моя история, и я сам разберусь, что в ней должно быть и как!

Продолжать разговор дальше не имело смысла. Поспешно простившись, человек в цилиндре пошёл дальше под проливным дождём.

Глава 10: Неудержимая предметность

«Что такое литература, как не особый язык, который превращает „субъекта“ в знак истории?»

Ролан Барт

Содрогаясь в конвульсиях, колченогий стол рожал табуретку. Взбесившийся столик укусил тумбочку, и та засемила, встревожено шевеля полками. Дикорастущие шкафы шелестели одеждой и звенели посудой, хлопая дверцами. В сверкающем вечерними огнями небе к гнездовью слетались косяки диких самолётов. Взбесившийся трактор гнался по полям за ржавым пикапом. Стаи бродячих автомобилей роились у автосвалок в поисках запчастей.

Созревшие фонари задорно светились, свисая крупными гроздьями со столбов. На краю обрыва, в башне из слоновой кости, находилась вавилонская библиотека, где играли в классики пребывая сто лет в одиночестве три драконьи головы: Хорхе, Хулио и Габриэль. Человек в цилиндре понимал, что, если он зайдёт к ним и поговорит, это может дать истории какой-то новый сюжетный виток. Но он был настолько вымотан, настолько разочарован, настолько обескуражен и почти доведён до отчаяния, что просто прошёл мимо, не замечая ничего вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.